

УДК [94(47+430):796.032.2]+323

doi 10.17072/2219-3111-2019-4-121-132

МОСКВА И ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ РАЗДЕЛЕННОЙ ГЕРМАНИИ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОЛИМПИАДЫ 1972 ГОДА В МЮНХЕНЕ)¹

М. Ю. Прозуменщиков

Российский государственный архив новейшей истории, 115035, Москва, Софийская наб., 34, стр. 1
prozumen58@yandex.ru

Одним из ключевых моментов истории спорта в годы холодной войны стали летние Олимпийские игры 1972 г. в Мюнхене. После Второй мировой войны спорт все больше стал приобретать политическую значимость, а успехи на мировых первенствах и Олимпийских играх начали рассматриваться не столько как достижения конкретных спортсменов, сколько как превосходство политического строя. Особую сложность политической ситуации, связанной с этой Олимпиадой, придавало существование на немецкой земле двух государств, принадлежавших к противоборствующим военно-политическим блокам. На материалах новых источников из фондов Российского государственного архива новейшей истории анализируется отношение советского политического и спортивного руководства к выдвижению Мюнхена в качестве столицы Олимпийских игр. В СССР и особенно в ГДР, где еще с большей настойчивостью стремились политически инструментализовать спорт, были недовольны этим решением. Однако обращения политических и спортивных чиновников Восточной Германии к советскому партийно-правительственному и спортивному руководству, направленные на противодействие ФРГ в спортивной сфере, во многом дипломатично игнорировались. Советский Союз, особенно после победы на выборах в Западной Германии коалиции социал-демократов и свободных демократов, был заинтересован в налаживании и укреплении отношений с ФРГ и другими западными странами. Сложившаяся же международная обстановка побуждала советское руководство к поиску баланса интересов в отношениях с ГДР и ФРГ в сфере спортивной политики. Ради достижения разрядки в отношениях между НАТО и организацией Варшавского договора советское руководство оказалось способно поступиться некоторыми принципами и проводить реалистическую компромиссную политику в сфере международного спорта высших достижений.

Ключевые слова: спорт, политика, холодная война, дипломатия, советско-германские отношения.

В 1949 г. Германия в результате начавшейся «холодной войны» оказалась искусственно разделенной на две (а если считать Западный Берлин, то фактически на три) части. Та, что находилась на западе, получила название Федеративной Республики Германии, вошла в состав капиталистического лагеря, а затем в НАТО и ЕЭС. На востоке возникла Германская Демократическая Республика, где под руководством и контролем СССР начался эксперимент по построению первого в истории социалистического государства на немецкой земле. Но главной проблемой послевоенной Европы стал Западный Берлин, на территории которого было три оккупационные зоны (американская, английская и французская). Будучи де-факто политически и экономически тесно связанным с ФРГ, этот анклав в ГДР де-юре оставался территорией под управлением и контролем войск западных стран.

Одной из немногих областей, где ФРГ и ГДР могли найти точки соприкосновения, оставался спорт. В 1949 г. был создан Национальный олимпийский комитет (НОК) ФРГ, спустя два года – НОК ГДР. Однако если первый был практически сразу признан международным олимпийским сообществом, то Восточной Германии пришлось ждать этого признания почти пятнадцать лет. Формально НОК ГДР был признан МОК еще в 1955 г., тем не менее ГДР разрешалось участвовать в Олимпиадах только в составе единой германской команды (ОГК), которая выступала на трех летних и зимних Олимпиадах [Хавин, 1979, с. 479].

В 1965 г. на сессии МОК в Мадриде Советскому Союзу при поддержке других социалистических стран удалось добиться признания ГДР в качестве самостоятельного субъекта меж-

дународного олимпийского движения. Для спортивного признания ГДР всем странам пришлось пойти на определенный компромисс. С одной стороны, СССР не только добился признания Восточной Германии, но и заручился обязательством МОК, а также международных спортивных федераций, согласно которому любая страна-организатор чемпионатов мира по отдельным видам спорта лишалась права на их проведение, если по каким-либо причинам не могла (или не хотела) обеспечить участие в них спортсменов ГДР. В середине 1960-х гг. Франция, США и Голландия, не пригласившие к себе спортсменов ГДР, лишились возможности провести у себя соответственно чемпионаты мира по лыжному спорту, тяжелой атлетике и межзональный турнир чемпионата мира по шахматам. Москва также продолжала пресекать попытки западных стран нанести ущерб престижу спортсменов из Восточной Германии, на соревнованиях с участием которых то и дело происходили «досадные происшествия»: то организаторы состязаний поднимали флаг ГДР в перевернутом виде или вообще «забывали» его вывесить, то вместо национального гимна исполняли совсем другое музыкальное произведение и т.п.

С другой стороны, от Советского Союза тоже потребовались определенные уступки. В частности, Москва была вынуждена согласиться с тем, что спортсмены Западного Берлина смогут принимать участие в Олимпиаде в составе команды ФРГ. Это решение не означало, что Западный Берлин признавался частью Федеративной Республики Германии, на что рассчитывали многие политики на Западе, но создавало определенные предпосылки этого. Правда, по данному вопросу пришлось находить компромисс и в советском руководстве, где еще оставалось немало представителей старой, сталинской, гвардии, не желавшей поступаться принципами. В результате в Москве был создан своеобразный алгоритм взаимоотношений представителей СССР и Западного Берлина в области спорта. Спортсмены СССР получили возможность участвовать в многосторонних соревнованиях с участием спортсменов ФРГ, среди которых были и западноберлинские, однако представителям СССР запрещалось соревноваться с такими германскими командами в рамках двусторонних встреч. Бессмысленность подобного разделения была очевидна для всех, но только не для советских политиков.

Было и еще одно не совсем официальное обещание, которое СССР дал в обмен на признание ГДР. В середине 1960-х гг. ФРГ заявила о готовности провести у себя Олимпийские игры, и Советский Союз обещал не возражать против выдвижения кандидатуры Мюнхена в качестве возможной столицы летних Игр 1972 г. Вероятно, в Москве в тот момент не верили в то, что главный город Баварии сможет получить необходимую поддержку при голосовании в МОК, но уже через полгода «проблема олимпийского Мюнхена» превратилась в головную боль для спортивных и партийных советских чиновников.

Первоначально в Советском Союзе отнеслись достаточно спокойно к заявке Мюнхена, полагая, что она не наберет нужного количества голосов. Когда же часть претендентов отсеялась и остались лишь четыре кандидатуры, советские руководители осознали, что им придется решать непростую задачу. Суть проблемы состояла в том, что, начиная с 1950-х гг. МОК в рамках популяризации спортивного движения в мире решил по возможности не проводить подряд две Олимпиады на одном континенте. Потому у претендовавших на проведение Игр-72 канадского Монреаля и американского Детройта, который уже в шестой раз безуспешно выставлял свою кандидатуру, шансов на успех практически не было, так как Олимпийские игры 1968 г. должны были пройти в Мехико, на американском континенте. Таким образом, наиболее реальными кандидатурами на проведение XX Олимпийских игр оставались Мюнхен и Мадрид – столица франкистской Испании, с которой у Советского Союза уже почти тридцать лет были разорваны все отношения.

Положение усугублялось тем, что против кандидатуры Мюнхена решительно выступили представители ГДР, потребовавшие от Москвы сделать все возможное, чтобы не дать их главным конкурентам провести у себя Олимпиаду. В Восточном Берлине хорошо знали об одном из главных принципов МОК, согласно которому осуждались любые попытки политизировать спорт, однако практически каждое соревнование между двумя германскими государствами в ГДР окрашивалось яркими политическими красками. Так, бессменный председатель Комитета по физической культуре ГДР М. Эвальд открыто заявлял, что спорт в ФРГ не имеет будущего, и требовал, чтобы спортсмены ГДР к соревнованиям с командами ФРГ были хорошо подготовлены «не только в спортивном плане, но и политически» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 164. Л. 12).

Даже когда обе страны выступали в ОГК, руководители ГДР свою главную задачу видели в том, чтобы на Олимпиадах «в объединенных командах Германии спортсмены ГДР составляли большинство по сравнению со спортсменами ФРГ» (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 487. Л. 95), и ревниво следили за тем, чтобы представители Восточной Германии завоевали больше наград, чем их западные партнеры.

Новость о том, что их главный конкурент может получить право на проведение Олимпийских игр, вызвала в Восточном Берлине бурю негативных эмоций. В марте 1966 г. спортивные организации ГДР попросили Спорткомитет СССР, чтобы Советский Союз выступил «против предложений о проведении игр в г. Мюнхене» (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2. Л. 82). Зная специфику советской политической системы, они не сомневались, что данный вопрос будет рассмотрен на самом высоком партийном уровне, что и произошло. Спорткомитет СССР направил соответствующее обращение с изложением просьбы ГДР в ЦК КПСС, где заместители ведущих двух отделов ЦК – международного (В.Г. Корионов) и пропаганды и агитации (А.Н. Яковлев) – согласились поддержать друзей из Восточной Германии.

Принимая решения по важным политическим вопросам в области спорта, советские партийные руководители не всегда разбирались в особенностях рассматриваемых проблем. Как уже отмечалось, всем было понятно, что в рамках новой политики МОК проведение Олимпиады 1968 г. в Мехико делало практически нереальной организацию следующих Игр в североамериканских Монреале или Детройте. Тем не менее В.Г. Корионов и А.Н. Яковлев, давая указания советским представителям в МОК, делали особый акцент на том, что нужно сделать всё возможное, чтобы обязательно провести Олимпиаду 1972 г. в Европе, ибо в противном случае «американцы, как и в 1968 году, будут иметь большие преимущества перед нашими спортсменами» (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2. Л. 82). Когда же обсуждение вопроса вышло на уровень второго по значимости в партийной иерархии органа – Секретариата ЦК КПСС – и стало ясно, что выбирать придется между Мадридом и Мюнхеном, было выдвинуто и вовсе фантастическое предложение. Ведущий заседание Секретариата ЦК М.А. Суслов заявил, что «и тот и другой город для нас неудачный», на что А.Н. Шелепин предложил «поставить вопрос о проведении Олимпийских игр в Москве» (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 1. Л. 54).

Напрасно руководитель Спорткомитета Ю.Д. Машин пытался объяснить партийным лидерам, что СССР опоздал с подачей заявки (заседание Секретариата ЦК КПСС проходило 19 апреля 1966 г., а выборы столицы очередных Игр должны были состояться в Риме через неделю), что для успеха данного предприятия следовало провести большую подготовительную работу и т.п. Идея, выдвинутая А.Н. Шелепиным, овладела партийным руководством, и тот же М.А. Суслов предложил Ю.Д. Машину «быстро» написать по этому вопросу записку, которую в Кремле незамедлительно рассмотрят (Там же. Л. 55). В ЦК КПСС «забыли», что полгода назад Спорткомитет СССР предлагал подать заявку на проведение Игр 1972 г. в Москве, но тогда А.Н. Яковлев после консультаций с коллегами из партийного руководства заставил Спорткомитет снять свое предложение (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 228. Л. 154). В этот раз через несколько часов в Секретариат ЦК поступила записка Спорткомитета СССР, в которой давались новые директивы советским представителям в МОК: во-первых, предложить «перенести рассмотрение вопроса о проведении в 1972 году летних Олимпийских игр на следующую сессию Международного Олимпийского комитета», во-вторых, сообщить всем, что Исполком Московского горсовета готов подать заявку на организацию XX летних Игр в Москве (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2. Л. 85).

Вместе с тем в Кремле понимали, что перенос голосования на следующую сессию МОК и тем более реализация затеи с внезапным предложением кандидатуры Москвы маловероятны и выбирать придется между Мадридом и Мюнхеном. Поэтому в случае отклонения новых советских предложений представителям СССР в МОК разрешалось «голосовать за проведение летних игр в г. Мадриде» (Там же. Л. 81). Такое решение объяснялось в первую очередь защитой интересов ГДР. Кроме того, сотрудники ЦК заявили, что ими была проведена предварительная консультация с руководством находящейся на нелегальном положении Коммунистической партии Испании и ее бессменный лидер Д. Ибаррури также поддержала идею проведения Олимпиады в Мадриде (Там же. Л. 81, 85).

Для Советского Союза поездка спортсменов в столицу франкистской Испании была хотя и весьма неприятна, но не неприемлема. Обе страны время от времени бойкотировали двусторонние соревнования, но в рамках различных чемпионатов пути советских и испанских спортсменов пересекались неоднократно. Однако Советский Союз был не единственным членом МОК, для которого выбор столицы XX Олимпийских игр оказался непростой задачей. Тысячи политических заключенных в Испании, полицейский террор и постоянное нарушение демократии делали Мадрид не слишком привлекательным для проведения там «праздника спорта».

Многие страны не решались поддерживать и Мюнхен, опасаясь спровоцировать усиление конфронтации между Востоком и Западом. Однако представители ФРГ грамотно построили свою «предвыборную» кампанию, сделав главный упор на противопоставлении Олимпиад 1936 и 1972 гг. В отличие от проходивших в атмосфере нацизма помпезных берлинских Игр Олимпийские игры в Мюнхене должны были продемонстрировать всему миру облик новой, свободной и демократической Германии. К Олимпиаде была запланирована комплексная перестройка города: создание в нем не только новой инфраструктуры и современных спортивных сооружений, но и множества парков, садов, скверов. Не случайно в качестве девиза Игр была выбрана фраза «Зеленые Игры, Игры Свободы». Эта идея показалась многим весьма привлекательной и на выборах склонила чашу весов в пользу Мюнхена.

В ГДР, разумеется, без энтузиазма восприняли известие о выборе Мюнхена и даже попытались высказать отдельные претензии своему главному союзнику. Правда, открыто критиковать Москву Восточному Берлину в тот момент было явно не с руки, так как ГДР еще предстояло впервые выступить самостоятельной командой на Играх 1968 г., и там осознавали, что без уступок с советской стороны независимой олимпийской сборной ГДР могло не быть. Не было бы и спортивных успехов, которые в Восточной Германии, как обычно, поспешили конвертировать в политические очки. В 1968 г. в Мехико спортсмены ГДР заняли пятое место в общекомандном зачете, причем главным для руководителей социалистической Германии было то, что им удалось опередить своего основного конкурента: хотя сборная ФРГ и завоевала на одну медаль больше (26 против 25), преимущество в золотых медалях (8 против 5) определило общее превосходство команды ГДР. С учетом того, что в Восточной Германии любили повторять: «Не столь существенно, какое место займет их Олимпийская сборная, главное, чтобы она была впереди команды ФРГ» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 389. Л. 174), становится понятно, как восприняли лидеры ГДР результаты этой Олимпиады.

Олимпиаде в обоих германских государствах придавалось колоссальное значение, а все связанные с ней вопросы, как правило, решались на высшем государственном уровне. В ФРГ еще в 1969 г. при правительстве и министерстве обороны были назначены специальные уполномоченные, отвечающие за подготовку Игр; с этой же целью в МВД республики была введена дополнительная должность статс-секретаря, а в бундестаге создан отдельный комитет. Тогда же в ГДР образовали специальную комиссию по подготовке к Олимпиаде, которую возглавил член Политбюро ЦК СЕПГ А. Норден (в нее кроме сотрудников министерств вошли 16 ведущих отделами ЦК СЕПГ), а внутри министерств и ведомств сформировали различные рабочие группы (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 28–29). В Восточном Берлине считали недостаточным проведение консультаций о согласованной подготовке социалистических стран к Мюнхену, которые регулярно организовывались на уровне спорткомитетов этих стран. Побывавший в Москве в начале 1970 г. заместитель министра иностранных дел ГДР Г. Штиби во время беседы с коллегой из советского МИДа В.С. Семеновым убеждал того в необходимости проведения консультаций еще и по линии министерств иностранных дел (Там же. Л. 29).

Представители обеих стран, забыв о принципах олимпизма, соревновались в озвучивании тезисов о политическом значении предстоящих Игр. Руководители ФРГ заявляли, что «перед Мюнхеном стоит задача показать образец, отвечающий высоким требованиям в соревновании с востоком», что «восточные и юго-восточные народы надо привлечь к Западной Европе с помощью спортивных мероприятий», а успех Западной Германии послужит «росту ее национального престижа» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 186–187). В ГДР, в свою очередь, вспомнили на время «забытый» под давлением Москвы любимый тезис о «диаметральной противоположности спорта социалистических и буржуазных государств» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 45. Л. 2) и при каждом удобном случае повторяли, что они не отступят «перед вызовом определенных на-

ционалистических и реваншистских сил... и постараются с честью представить именно в Мюнхене социалистическое спортивное движение и свое социалистическое отечество» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 190).

Что касается СССР, то ему приходилось регулярно выступать в роли своеобразного третейского судьи, поскольку к нему то и дело обращались обе германские стороны, жалуясь друг на друга и призывая советское руководство использовать все свое влияние, чтобы воздействовать на противоположную сторону, допускающую грубые нарушения в процессе подготовки к Олимпиаде. Конечно, в Москву больше просьб и жалоб приходило из Восточного Берлина, где чувствовали себя обиженными несправедливым выбором, который сделали члены МОК. В ГДР провокационные намерения находили и в распределении билетов на соревнования. Организаторы Игр выделили для жителей Восточной Германии большое количество входных билетов – почти 100 тысяч, но именно в этом, по мнению Берлина, и заключалась провокация: все входные билеты были связаны с обязательным проживанием в гостиницах, а это требовало от ГДР слишком больших валютных затрат. Кроме того, большая часть билетов была на те соревнования, где спортсмены ГДР были не очень сильны или не выступали вовсе (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 396. Л. 39–40). Предложение о возможном проживании туристов из ГДР в западногерманских семьях руководители Восточной Германии с негодованием отвергли. Но из Бонна в Москву также поступали претензии к ГДР и настойчивые пожелания оказать поддержку Играм в Мюнхене с одновременным выражением готовности сделать всё необходимое, чтобы разрешить проблемы, препятствующие участию в Олимпиаде СССР и его союзников.

Как свидетельствуют документы, в ФРГ действительно опасались возможного бойкота Олимпиады со стороны СССР, который мог бы использовать для этого какой-нибудь предлог. Тем более что советские спортивные руководители время от времени делали соответствующие намеки. А председатель советского Спорткомитета С.П. Павлов на встрече с руководителями западногерманского Немецкого спортивного союза, состоявшейся в Москве в мае 1971 г., заявил, что «мы можем и отказаться от участия в Олимпийских играх, если не будет выполняться хартия МОК и обещания, данные на сессии МОК в 1966 г. при выборе Мюнхена городом XX Олимпийских игр» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 102. Л. 108).

Определенную тревогу в ФРГ вызывала и возможная реакция СССР на результаты голосования на сессии МОК в мае 1970 г. по вопросу выбора столицы летних Игр 1976 г. Претендовавшая на их проведение Москва проиграла Монреалю, и в Бонне опасались, что «обиженные Советы» могут отомстить странам Запада, поддержавшим на выборах канадскую столицу, и проигнорируют Игры в Мюнхене. С этого времени в Москву зачастили западногерманские эмиссары, обещавшие «всяческое содействие советским спортивным организациям в подготовке к XX Играм» (Там же. Л. 98). В августе 1971 г. в ФРГ был организован большой прием делегации Спорткомитета СССР, которой показали олимпийские сооружения, рассказали о принимаемых мерах по недопущению различных провокаций в отношении спортсменов из СССР и других социалистических стран и которую старались всячески задобрить. Члены делегации даже удостоились встречи с федеральным канцлером В. Брандтом, который в очередной раз заверил, что Олимпиада в ФРГ будет одной из самых лучших в мировой истории. Апофеозом приема стало решение о том, что специально построенный к Играм в Мюнхене суперсовременный олимпийский стадион будет торжественно открыт 24 мая 1972 г. товарищеским футбольным матчем между сборными ФРГ и СССР. По каналам КГБ в Москву поступила информация о том, что в высших кругах ФРГ была высказана готовность поддержать кандидатуру советской столицы, если она захочет провести Олимпиаду 1980 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 622. Л. 198).

СССР не собирался бойкотировать Олимпиаду в Мюнхене, тем более в условиях расширяющегося в начале 1970-х гг. политического сотрудничества двух стран. Главным для Москвы в сложившейся ситуации было получить максимально возможные дивиденды от сотрудничества с ФРГ, не допустив при этом обвинений со стороны ГДР в «забвении принципов социалистической солидарности». Для этого приходилось искать различные компромиссные варианты. Например, когда в конце 1969 г. посол ФРГ в Москве обратился в Министерство культуры СССР с просьбой организовать во время Олимпиады выступление советских творческих коллективов, в СССР обещали подумать над этим вопросом, но категорически отказались послать в Мюнхен балет Большого театра (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 81). В то же время, не-

смотря на давление ГДР, Москва не отказалась от участия в молодежном лагере, который обычно организуется во время Игр, лишь пообещав своим союзникам, что в Мюнхен будут направлены «хорошо подготовленные группы молодежи из СССР и других социалистических стран по линии комсомольских и молодежных организаций для проведения информационно-пропагандистской работы» (РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 1097. Л. 119; Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 103).

В ГДР с нескрываемым раздражением следили за преолимпийскими контактами между СССР и ФРГ. Открыто возражать против этого они не могли, но иногда старались привлечь внимание советского руководства на моменты, вызывающие у них «определенное беспокойство». Так, весной 1972 г. М. Эвальд, посетив посольство СССР в Берлине, высказал недовольство тем, что вопреки решению, принятому на совещании представителей социалистических стран в декабре 1971 г., не организовывать выставок, посвященных Олимпиаде в Мюнхене, СССР все же разрешил организаторам Игр провести в Москве выставку «Олимпиада-72» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 90. Л. 37). СССР пришлось оправдываться, заявляя, что такое решение было принято с учетом «общей политической ситуации», а также исходя из возможности провести ответную выставку в Мюнхене в дни Олимпиады (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 15. Л. 32). В Бонне, видимо, не до конца понимали, насколько велико влияние Восточной Германии на советское руководство в спортивной области, но накануне Игр на всякий случай постарались максимально сгладить и разногласия, которые имелись между спортивными ведомствами двух германских государств. Руководители Немецкого спортивного союза (ДСБ) заявляли, что ФРГ стремится к расширению контактов со спортивными организациями ГДР, к нормализации отношений между двумя странами, предлагая «забыть прошлые ошибки и думать о будущем» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 139). Даже в Восточной Германии, где любые действия ФРГ воспринимались в штыки, вынуждены были признать, что «в последнее время западногерманское спортивное руководство, очевидно, прилагает все усилия к тому, чтобы избежать критики в свой адрес со стороны ГДР и не предпринимает никаких прямых попыток помешать спортивному обмену ГДР как с ФРГ, так и с другими несоциалистическими странами» (Там же. Л. 283). Более того, по заявлению лидеров Восточной Германии, в некоторых международных спортивных федерациях представители ФРГ даже стали поддерживать кандидатуры, предложенные на выборные должности со стороны ГДР, и проявлять подчеркнуто «дружеские» и «сердечные» отношения к спортсменам ГДР (Там же. Л. 140).

Если обобщить все проблемы, возникавшие перед Олимпиадой 1972 г. и находившиеся в центре внимания СССР и ГДР, то их можно свести к нескольким основным. Прежде всего в Восточном Берлине пристально следили за тем, чтобы ФРГ на Играх в Мюнхене не пыталась выступать от имени всей Германии. Большой скандал вызвала выпущенная в ФРГ в начале 1970 г. памятная монета достоинством в 10 марок с надписью «Олимпийские игры 1972 года в Германии» (Там же. Л. 28). После волны протестов правительство ФРГ тут же прекратило ее выпуск и изъяло из оборота, а оставшиеся экземпляры монеты стали нумизматическим раритетом. Организаторам Олимпиады постоянно припоминали этот эпизод, тем более что иногда спортивные функционеры и руководители НОК ФРГ случайно или умышленно давали для этого повод. В частности, члены делегации ДСБ, посетившей СССР в мае 1971 г., пытались вручить эти памятные монеты в качестве сувениров своим советским коллегам. После протеста Спорткомитета СССР руководители делегации принесли официальные извинения, сославшись на техническую ошибку: «Банк дал не те монеты» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 102. Л. 100). ГДР же развернула деятельность по тотальной проверке любой рекламно-пропагандистской продукции, в огромных количествах выпускавшейся к Играм, на предмет ее соответствия официальному названию соревнований. «Провокационные неточности» были обнаружены даже на некоторых этикетках к экспонатам выставки, посвященной Олимпиаде в Мюнхене, открытой посольством ФРГ в Москве весной 1972 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 15. Л. 32). В таких ситуациях представители ФРГ приносили извинения за случайно допущенные досадные ошибки и заявляли о готовности немедленно их исправить.

Однако ГДР так и не смогла добиться разрешения главной для себя проблемы: несмотря на все ее протесты, МОК не стал менять официальные названия двух германских команд, и в Мюнхене ФРГ продолжала, как и раньше, именоваться «Германией». СССР предпочел не конфликтовать из-за этого с руководством МОК, полагая, что за последние годы он и так сделал

более чем достаточно для признания Восточного Берлина на международной спортивной арене. Москва лишь заверила своих немецких союзников, что СССР продолжит бороться за равноправие ГДР и за изменение официального названия спортивных команд, представлявших Западную Германию.

Если требование к хозяевам Игр выполнять все взятые на себя обязательства и поддерживать все страны социалистического лагеря, то в отношении вопроса о доставке в Мюнхен олимпийского огня такого единства не было. ГДР еще в 1969 г. предложила, чтобы путь олимпийского огня из Греции к месту проведения Олимпиады был сокращен до минимума (Греция – Югославия – Австрия – ФРГ), а в идеале в Восточном Берлине не возражали бы против того, чтобы доставить олимпийский факел из Афин в Мюнхен вообще на самолете. Из солидарности с ГДР социалистические страны на встрече в Москве представителей ЦК компартий в декабре 1970 г. согласились с тем, чтобы маршрут олимпийского факела не был проложен по их территории, однако затем в этом единстве стали возникать бреши. Сначала, как обычно в то время, особую позицию заняла Румыния. Спустя некоторое время Чехословакия (явно по подсказке из ГДР) пожаловалась советским лидерам, что Болгария также «отошла от ранее согласованных позиций» и готова принять эстафету олимпийского огня (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 32. Л. 14–15). В СССР приняли к сведению полученную информацию, но оказывать какого-либо давления на союзников в угоду ГДР не стали.

Для Москвы было гораздо важнее уравновесить требования, исходившие из Восточного Берлина и Бонна, поскольку пожелания организаторов Игр относительно маршрута олимпийского факела не устраивали советских руководителей и не только из-за того, что он должен был пройти по территории стран восточного блока. В СССР расценили как «провокационную затею» попытку ФРГ пронести факел по тем землям, которых Германия лишилась в результате Второй мировой войны. Эстафета олимпийского огня должна была пройти не только по отошедшим к Польше и Чехословакии Померании и Судетам, но и через советский Калининград, еще не так давно называвшийся Кенигсбергом. Кроме того, понимая, что ГДР ни под каким предлогом не разрешит пронести факел по своей территории, в ФРГ разрабатывали планы по доставке олимпийского огня в Западный Берлин воздушным путем (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 102). Все эти проекты были неприемлемы для Советского Союза, и в обмен на отказ от них в Москве согласились не возражать против того, чтобы эстафета олимпийского огня прошла в Болгарии, Румынии, Венгрии и Югославии. СССР приходилось также учитывать общественное мнение, поскольку Москва всерьез нацелилась на Олимпиаду-80 и должна была продемонстрировать всему миру свою «олимпийскую толерантность». ГДР ничего не оставалось, как смириться с принятым решением, поскольку, по признанию ее руководителей, в противном случае она оказалась бы в положении страны, «которая препятствует распространению олимпийской идеи и интернациональной дружбе спортсменов» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 121).

Тема потерянных Германией территорий возникала в связи с Олимпиадой не только из-за попыток проведения там эстафеты олимпийского огня. После длительных переговоров в августе 1970 г. между ФРГ и Советским Союзом был заключен двусторонний договор, фактически положивший конец состоянию войны, в котором оба государства де-юре продолжали оставаться все послевоенные годы. Чуть позже аналогичный договор ФРГ заключила и с Польшей, согласившись тем самым с изменениями в послевоенной Европе. Однако в Западной Германии оставалось большое число тех, кто не мог смириться с территориальными потерями, и не случайно ратификация этих договоров в западногерманском бундестаге состоялась только в мае 1972 г., спустя более полутора лет после их подписания и всего за три месяца до Олимпиады в Мюнхене. Все это время в ФРГ продолжали регулярно проводиться различные, в том числе спортивные, мероприятия, организаторы которых недвусмысленно давали понять, что рассчитывают на возвращение «потерянных земель». В частности, федерации футбола и легкой атлетики ФРГ устраивали встречи спортсменов померанских и судетских территорий, уже четверть века входивших в состав Польши и Чехословакии, а в 1970 г. была организована спартакиада беженцев из восточных земель «Померанская встреча».

В ФРГ на подобные события смотрели, как правило, сквозь пальцы и успокаивали всех, утверждая, что «это вымирающая проблема». Однако в Восточной Европе так не считали, тем

более, когда поступали сообщения о том, что НОК ФРГ предоставлял свои помещения участникам «спартакиады», а почта ФРГ выпустила блок из четырех марок, посвященных «Померанской встрече» (Там же. Л. 153). Все это вызывало резкие протесты на Востоке, которые усиливались по мере приближения Игр, а в Москве и Восточном Берлине не упускали случая напомнить Бонну, что происходящее находится в противоречии с теми гарантиями, которые ФРГ пришлось дать по требованию МОК.

Совершенно очевидно, что ситуация вокруг Игр в Мюнхене могла бы быть гораздо более сложной и взрывоопасной, если бы не политические ветры перемен. Судьбе было угодно распорядиться таким образом, что начало очередного преолимпийского цикла, предшествовавшего Играм 1972 г., совпало с новым периодом политической разрядки на европейском континенте. В 1969 г. в ФРГ на смену партийному блоку ХДС – ХСС, правившему в стране весь послевоенный период, впервые пришла к власти коалиция СДПГ – СвДП во главе с В. Брандтом, который провозгласил «новую восточную политику». В свою очередь, СССР после напряженного 1968 г., ознаменовавшегося вторжением стран В блока в Чехословакию и крайне резким обострением советско-китайских отношений, ничего не оставалось, как сделать разворот в сторону Европы, пытаясь найти новые точки соприкосновения с Западом. Встречи и переговоры генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева с федеральным канцлером В. Брандтом стали важной вехой в послевоенной истории Европы, которая нашла отражение и в спортивной области.

После того как в 1971 г. состоялось подписание четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, несколько разрядилась ситуация и в этой области, хотя проблема статуса западноберлинских команд и отдельных спортсменов продолжала оставаться камнем преткновения и в последующие годы. Наконец, в мае 1971 г. произошло еще одно событие, способствовавшее расчистке послевоенных завалов в Европе: под давлением Москвы и лично Л.И. Брежнева «по состоянию здоровья» подал в отставку со всех постов многолетний руководитель ГДР и последний ортодоксальный сталинист в советском лагере В. Ульбрихт. В СССР отметили, что после этого «политика друзей по отдельным вопросам олимпийского движения стала более гибкой», а в руководстве ГДР начали понимать, что «разумнее пойти на компромисс, чем подвергать угрозе сам факт участия ГДР в Олимпийских играх» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 389. Л. 173).

Разумеется, все эти изменения не могли кардинально и одновременно изменить политическую ситуацию в Европе и ее спортивную составляющую. В Восточной Германии боялись даже не столько провокаций в ходе Олимпиады со стороны реваншистских организаций ФРГ, сколько «растлевающего» влияния Игр в Мюнхене, на которые власти Западной Германии планировали потратить 2 млрд. марок и которые анонсировались как «самые лучшие, крупнейшие и богатейшие игры» в олимпийской истории (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 188). Регулярно раздававшиеся из Бонна заявления о единой германской нации, предложение об открытии на время Олимпиады границы между двумя немецкими государствами, организация для гостей Игр чартерных рейсов в Западный Берлин с целью посещения Берлинской стены – это и многое другое неизменно вызывало в ГДР негативную реакцию. Опасаясь, что кто-то из жителей республики может не выдержать пропагандистского натиска и оказаться в числе «невозвращенцев», в ГДР тщательно подходили к отбору как спортсменов, так и туристов для поездки в Мюнхен. Ради этого Восточная Германия готова была пожертвовать даже своими спортивными успехами: по информации посольства СССР в Берлине имели место случаи, когда спортивное руководство ГДР было «вынуждено отводить кандидатуры отдельных спортсменов высшего класса из-за их недостаточной идеологической зрелости» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 396. Л. 116).

Туристы ГДР также проходили жесткий идеологический отбор. Из 2 тыс. человек, отобранных для поездки в Мюнхен, почти 92% были членами СЕПГ. Все участники и гости Игр должны были пройти специальный курс подготовки, в котором особое внимание уделялось «повышению бдительности, расширению политического кругозора и воспитанию социалистической убежденности». Туристская путевка на Олимпиаду рассматривалась в ГДР как поощрение и почти полностью оплачивалась предприятием, на котором работал «турист», а для членов СЕПГ (то есть практически почти для всех) эта поездка рассматривалась еще и как партийное поручение (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 389. Л. 172).

Во всем комплексе проблем, которые были связаны с мюнхенской Олимпиадой, инициировались ГДР и обсуждались в социалистическом лагере, была, пожалуй, только одна, которая для Восточной Германии в отличие от ее союзников не представляла особого интереса. Речь шла о деятельности радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», расположенных на территории Западной Германии, но находившихся на содержании спецслужб США. Обе станции еще с 1950-х гг. вещали на СССР и страны Восточной Европы с откровенно антисоветских и антикоммунистических позиций, за что безжалостно глушились за «железным занавесом». Поскольку формально эти радиостанции не принадлежали ФРГ, СССР регулярно ставил вопрос о правомочности работы их корреспондентов на соревнованиях, апеллируя к правилам и требованиям МОК, которые жестко регламентировали все мероприятия на Олимпиаде, в том числе работу прессы. ГДР же являлась единственной социалистической страной Европы, на которую эти станции не работали, – Восточной Германии вполне хватало той волны антисоциалистической пропаганды, которая круглосуточно обрушивалась на ее жителей из вещавших на немецком языке многочисленных радиопередатчиков в соседних ФРГ и Австрии. Однако, желая получить поддержку социалистического лагеря в других областях, ГДР активно включилась в борьбу с радиостанциями, тем более что для СССР и других стран Восточной Европы перспектива самим приехать «в гости» к «Свободе» и «Свободной Европе» (радиостанции располагались в Мюнхене) вызвала крайне серьезную озабоченность.

Об этом советское руководство каждый раз заявляло правительству ФРГ, напоминая тому о взятых обязательствах не допускать в ходе Олимпиады «всяких элементов шантажа, угроз, дискриминации, оскорблений» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 180). В ФРГ также не испытывали восторга от ситуации со скандальными радиостанциями, сознавая ограниченность собственных возможностей влиять на их работу. По словам председателя НОК ФРГ В. Дауме, посетившего летом 1971 г. Москву, у него возникло опасение, что «восточный блок» может использовать факт пребывания радиостанций в Мюнхене «как предлог для участия в Олимпийских играх» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 622. Л. 147). В этой связи федеральный канцлер В. Брандт в ходе своего визита в США в 1971 г. специально обсуждал этот вопрос с президентом Р. Никсоном и предложил, чтобы на время Игр «радиостанции отказались от публикации политических комментариев и не выходили бы за рамки спортивных новостей и нейтральной информации» (Там же). Одновременно министр внутренних дел ФРГ Г.-Д. Геншер заверял Советский Союз, что по данному вопросу Западная Германия обязательно примет решение, «которое удовлетворит обе стороны, хотя, возможно, вы и не будете считать его идеальным» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 181).

С немалыми трудностями компромисс все же удалось найти: участие в непростых переговорах по этому вопросу принял и 84-летний президент МОК Э. Брэндедж, для которого Игры в Мюнхене стали последними на этом посту. Представители радиостанции «Свободная Европа» даже получили аккредитацию на Олимпийских играх, дав обязательство, что они не будут «брать интервью ни у одного из участников Игр из стран Восточной Европы» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 423. Л. 52). Подробности этого соглашения долгое время держались в тайне и обнаружались лишь спустя четыре года, перед зимней Олимпиадой в австрийском Инсбруке. Со своей стороны руководство ФРГ еще раз заверило участников Игр, что оно «гарантирует успешный и бесперебойный ход всех соревнований, тренировок, культурной и иных программ для спортсменов и гостей» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 180).

Непростая ситуация вокруг Игр не ограничивалась указанными проблемами. Много споров вызвала предложенная НОК ФРГ церемония открытия Олимпиады. СССР и его союзникам не понравились ни отказ от использования голубей во время церемонии, ни сокращение до 15 секунд исполнения государственных гимнов, ни схема построения спортсменов во время открытия. По мнению Москвы, в случае расстановки команд-участниц по спирали, как это предлагали организаторы Игр, «делегация ФРГ, состоящая из 500 человек, будет одна представлять всех олимпийцев, стоя во внешнем круге спирали, а остальные будут в кольце» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 567. Л. 95). Много копий было сломано и в спорах вокруг фигуры видного спортивного функционера Германии К. Дима, которого стали активно рекламировать накануне Олимпиады: для СССР он был «основоположником нацизма в спорте», а для ФРГ – сложным и противоречивым деятелем, которого «очень уважали в МОК» (Там же. Л. 93).

В социалистическом лагере, конечно, больше всего опасались, что Олимпиада в Мюнхене может стать местом для различных политических акций, направленных против СССР, ГДР и их союзников. Однако главная угроза олимпийскому движению была другой: 5 сентября 1972 г. впервые на Олимпийских играх произошел террористический акт, организованный палестинской организацией «Черный сентябрь», в результате его погибло более десяти человек. Олимпиада была прервана на один день, но не прекращена, как предлагали ее организаторы. СССР поддержал сторонников продолжения Игр (хотя вместе с десятью арабскими странами отказался участвовать в траурной церемонии, посвященной жертвам теракта) и в результате победил на Олимпиаде в общекомандном зачете и с большим отрывом от США по числу завоеванных золотых медалей – 50 против 33. Выполнила свою главную задачу и ГДР, заняв третье общекомандное место и оттеснив на четвертую позицию хозяев Олимпиады. Это позволило лидерам Восточной Германии заявить о том, что они «считают свою основную спортивно-политическую задачу на прошедших Олимпийских играх выполненной» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 389. Л. 290).

В дальнейшем перед спортсменами ГДР будут поставлены новые, более высокие, задачи, а их главными конкурентами на спортивных аренах станут представители не ФРГ, а СССР и США. В тот момент вряд ли кто-то мог предположить, что двадцать лет спустя, на Олимпийских играх 1992 г. в Барселоне, будет вновь выступать объединенная германская команда, представляющая воссоединившуюся Германию.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 18-09-00647.

Список источников

Директивные указания советским представителям по участию в работе 64-й сессии Международного Олимпийского комитета в апреле 1966 г. 19.04.1966 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп. 20. Д. 2. Л. 81.

Записка Комитета по физической культуре и спорту в ЦК КПСС о действиях спортивных организаций ГДР на международной арене. Апрель 1956 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 164. Л. 12.

Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и международного отдела ЦК КПСС о предстоящих выборах столиц зимних и летних Олимпийских игр 1972 г. 28.03.1966 г. // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2. Л. 82.

Записка Центрального Совета Союза спортивных обществ и организаций СССР в ЦК КПСС о голосовании советских представителей в МОК по вопросу выбора столиц зимних и летних Олимпийских игр 1972 г. 09.04.1966 г. // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 2. Л. 85.

Запись беседы атташе посольства СССР в ГДР В.Г. Лаврентьева с заведующим отделом международных связей Союза физкультуры и спорта ГДР З. Зиппелем. 03.06.1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 153.

Запись беседы атташе посольства СССР в ГДР В.Г. Лаврентьева с заведующим отделом международных связей Союза физкультуры и спорта ГДР З. Зиппелем. 26.10.1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 283.

Запись беседы атташе посольства СССР в ГДР В.С. Евтеева с генеральным секретарем НОК ГДР Х. Берендтом // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 396. Л. 116.

Запись беседы атташе посольства СССР в ГДР В.С. Евтеева с заместителем заведующего отделом международных связей Спортивно-гимнастического союза ГДР К. Моке // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 396. Л. 39–40.

Запись беседы заведующего отделом культурных связей МИД СССР Н.М. Лунькова с послом ГДР по особым поручениям Т. Бетшером. 01.04.1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 81.

Запись беседы министра иностранных дел СССР В.С. Семенова с заместителем министра иностранных дел ГДР Г. Штиби. 12.02.1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 28–29.

Запись беседы председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР С.П. Павлова с министром внутренних дел ФРГ Г.-Д. Геншером. 16.08.1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 180.

Запись беседы председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР С.П. Павлова с президентом Оргкомитета XX Олимпийских игр в Мюнхене, Президентом НОК ФРГ В. Дауме. 17.07.1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 567. Л. 93–95.

Запись беседы представителей Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР с делегацией Немецкого спортивного союза ФРГ. 12.05.1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 102. Л. 100, 108.

Запись беседы советника посольства СССР в ГДР Ю.Ф. Жарова с президентом Спортивно-гимнастического союза ГДР М. Эвальдом. 10.04.1972 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 90. Л. 37.

Запись беседы сотрудников посольства СССР в ГДР М.И. Дмитриева и В.Г. Лаврентьева с заместителем руководителя Группы при МИД ГДР по подготовке к Олимпийским играм в 1972 г. генеральным консулом Н. Йешке. 29.05.1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 121.

Запись беседы эксперта-консультанта 3 ЕО МИД СССР Ю.М. Шаркова с советником посольства ГДР в Москве Ф. Туном. 04.05.1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 102–103.

Из стенограммы заседания Секретариата ЦК КПСС 19.04.1966 г. П. VIII. «О директивных указаниях советским представителям на 64-й сессии Международного Олимпийского комитета». 19.04.1966 г. // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 1. Л. 54–55.

Информационное письмо ЦК СЕПГ партийным организациям в ГДР «О проведении летних Олимпийских игр 1972 г. в Мюнхене». Октябрь 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 103. Л. 186-188, 190.

Информация КГБ при Совете Министров СССР в ЦК КПСС о реакции в Западной Германии на визит в Москву Президента НОК ФРГ В. Дауме. 22.07.1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 622. Л. 197, 198.

Информация Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР в ЦК КПСС о переговорах с Чехословацким союзом физической культуры и спорта по вопросам нормализации обстановки во время проведения спортивных соревнований с участием советских и чехословацких спортсменов. 04.03.1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 32. Л. 14–15.

Информация Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР в ЦК КПСС о переговорах с делегацией Немецкого спортивного союза ФРГ. 26.05.1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 102. Л. 98.

Информация посольства СССР в ГДР в ЦК КПСС «О подготовке в ГДР к Олимпийским играм 1972 г. в Мюнхене». 07.06.1972 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 389. Л. 172, 173, 174.

Информация посольства СССР в ГДР в ЦК КПСС «О предстоящих переговорах между президентами Немецкого союза физкультуры и спорта ГДР М. Эвальдом и Немецкого спортивного союза ФРГ В. Крегелем». 25.06.1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 417. Л. 139–140.

Информация посольства СССР в ГДР в ЦК КПСС «О сотрудничестве в области спорта между ГДР и СССР в 1969 году». 15.12.1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 45. Л. 2.

Информация посольства СССР в ГДР в ЦК КПСС «Об итогах выступления команды ГДР на Олимпиаде в Мюнхене и реакции населения республики на игры». 03.10.1972 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 389. Л. 290.

Материалы отделов ЦК КПСС о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по подготовке и проведению Олимпийских игр 1980 г. в г. Москве». 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 423. Л. 52.

Отчет председателя Олимпийского комитета СССР Н.Е. Адрианова в ЦК КПСС об итогах работы сессии МОК в Афинах. Май 1954 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 272. Л. 56–57.

Справка Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР в ЦК КПСС о проведении в Москве выставки «Олимпиада-72». 04.05.1972 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 15. Л. 32.

Справка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о целесообразности подачи заявки СССР на участие в выборах столицы Олимпийских игр. 27.12.1965 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 228. Л. 154.

Справка отделов ЦК КПСС о неудовлетворительном состоянии взаимоотношений в области спорта между представителями СССР и ГДР и мерах по их улучшению. Апрель 1964 г. // РГАНИ.

Ф. 4. Оп. 18. Д. 487. Л. 95.

Библиографический список

Хавин Б.Н. Всё об Олимпийских играх. М.: Физкультура и спорт, 1979. 608 с.

Олимпийская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. 416 с.

Прокуменщиков М.Ю. Большой спорт и большая политика. М.: РОССПЭН, 2004. 464 с.

Prosumenschschikov M. Deutch-sowjetische Sportkontakte im Kontext politischer Zielsetzungen von 1950 bis Anfang der 1980er Jahre. Nach Materialien des Russischen Staatsarchivs für Neuste Geschichte // *Tauwetter, Eiszeit und gelenkte Dialoge. Russen und Deutsche nach 1945.* München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. S. 811–850.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.07.2019

MOSCOW AND THE OLYMPIC FLAME OF DIVIDED GERMANY (POLITICAL HISTORY OF THE 1972 OLYMPICS IN MUNICH)

M. Yu. Prosumenschchikov

Russian State Archive of Contemporary History, Sofiyskaya emb., 34, bld. 1, 115035, Moscow, Russia
prozumen58@yandex.ru

The 1972 Summer Olympics in Munich was one of the key points in the history of sports during the Cold War. The existence of two states belonging to the opposing military-political blocs on the German soil led to particular complex political games around the Olympics. Based on new archival sources from the funds of the Russian State Archive of Contemporary History, the article analyses the attitude of the Soviet political and sports leadership to the nomination of Munich as the capital of the Olympic Games. In the USSR, and especially in the GDR, where the elites were still more politically instrumentalizing sports, they were unhappy with this candidacy. However, all appeals from political and sports officials of East Germany to the Soviet party, government and sports leaders, aimed at opposing the Federal Republic of Germany in the sports sphere, were largely ignored diplomatically. The Soviet Union, especially after the victory of the coalition of the Social Democratic Party of Germany and the FDP at the elections in West Germany, was interested in establishing and strengthening relations with the FRG and other Western countries. The current international situation prompted the Soviet leadership to seek a balance of interests in the field of sports policy in relations with the GDR and the FRG. In order to achieve detente in relations between NATO and the Warsaw Pact organization, the Soviet leadership was able to sacrifice some “principles” and pursue a realistic compromise policy in the field of international sports of the highest achievements.

Key words: sports, politics, “Cold War”, diplomacy, Soviet-German relations.

References

Khavin, B.N. (1979), *Vse ob Olimpiyskikh igrakh* [Everything about the Olympics], Fizkultura i sport, Moscow, USSR, 608 p.

Olimpiyskaya entsiklopediya (1980) [Olympic encyclopedia], Sovetskaya Entsiklopediya, Moscow, USSR, 416 p.

Prozumenschchikov, M.Yu. (2004), *Bol'shoy sport i bol'shaya politika* [Big Sport and Big Policy], ROSSPEN, Moscow, Russia, 464 p.

Prosumenschschikov, M. (2006), “Deutch-sowjetische Sportkontakte im Kontext politischer Zielsetzungen von 1950 bis Anfang der 1980er Jahre. Nach Materialien des Russischen Staatsarchivs für Neuste Geschichte”, in Aimermakher, K., Bordyugov, G. & A. Folpert (eds.), *Tauwetter, Eiszeit und gelenkte Dialoge. Russen und Deutsche nach 1945*, Wilhelm Fink Verlag, München, Deutschland, ss. 811-850.